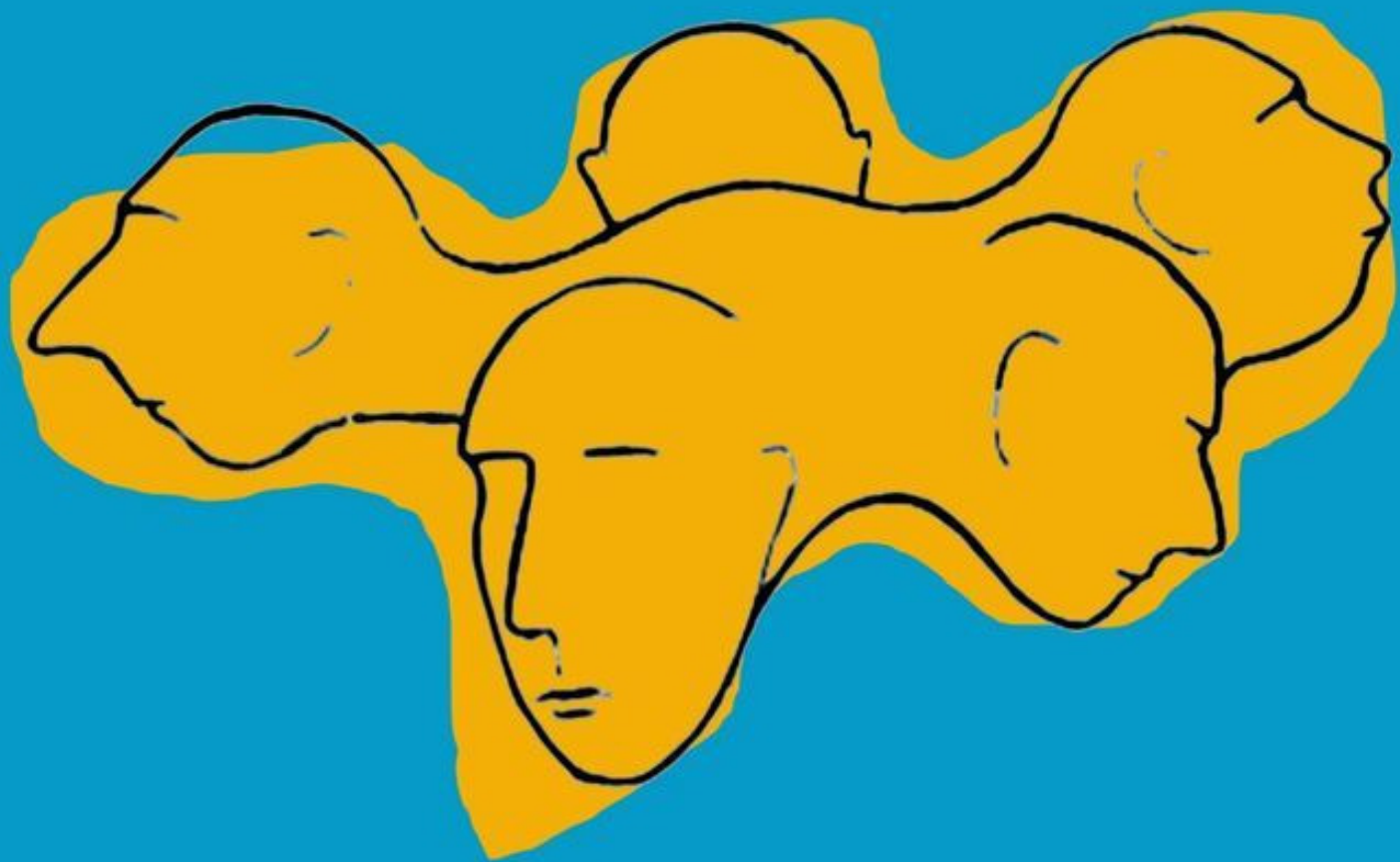

18+

Николай Слесарь

ЭРОТИЧЕСКИЙ
СОН
МЕХАНИЧЕСКОЙ
КУКУШКИ

экзистенциальная сказка

Николай Слесарь

**Эротический сон
механической кукушки.
Экзистенциальная сказка**

«Издательские решения»

Слесарь Н.

Эротический сон механической кукушки. Экзистенциальная сказка
/ Н. Слесарь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965590-5

Если мир — лишь череда снов, то чередование их подобно приливам и отливам. Как многократное бегство и возвращение. Если же сон затягивается, возвращение к себе вряд ли будет простым. Скорее даже вернуться сможет только кто-то совсем другой.

ISBN 978-5-44-965590-5

© Слесарь Н.
© Издательские решения

Содержание

Коридор	6
Город	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эротический сон механической кукушки

Экзистенциальная сказка

Николай Слесарь

Александр Сапожников *Корректор*

Николай Слесарь *Дизайнер обложки*

© Николай Слесарь, 2019

© Николай Слесарь, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-5590-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коридор

День был такой, что даже смотреть в окно не хотелось. И так не было настроения, но даже остатки его можно было безвозвратно растворить в том потоке, что происходил теперь на улице.

И это был не тот восхитительный летний ливень, не весенняя гроза, не теплый еще осенний грибной дождик. Это был очень холодный и сильный дождь. Дождь на грани между осенью и зимой, бесконечный и беспристрастный, как нечто совершенно чуждое всему живому и теплomu, со шквалистым ветром, да так, будто пощечина всему неразумному человечеству.

И только вроде потише, а потом опять р-р-раз, по лицу, в глаза, не разбирая и валя с ног.

А вокруг сквозь пелену дождя все серое, не успели оттаять в углах следы первого снега, и уже сгущаются ранние сумерки. И везде эта неизбывная грязь. Она разрастается на моих глазах из ниоткуда, покрывая собой все, что я вижу.

При мысли о том, что надо будет куда-то идти, даже просто выйти из дома, становится так беспросветно тоскливо, так уныло тошно, что сил нет.

Хорошо, что отменилась репетиция сегодня вечером. Хотя после того, как мы отыграли почти всю ночь, пять часов кряду, это было единственным верным решением.

При мысли о ночном клубе, в котором мы играли, у меня тотчас началась изжога. И на этот раз дело было не в музыке.

Играли мы очень даже сносно. Такое не часто бывает, к сожалению. Пара сольных партий мне удалась как никогда. Или, лучше сказать, просто удалась. Но уже ради такого стоит жить. Даже Птица высказал мне свой неподдельный восторг, обернувшись вполоборота и еле заметно кивнув головой. Да и он сам был на высоте. Почти как всегда в ударе. Он как-то умеет заводить сам себя, не оглядываясь на остальных. Ну и ритм-секция вослед подтянулась. И денег нам насовали под конец. Красота!

Но шаверма с темным пивом натошак в четыре утра в этом возрасте противопоказаны и не проходят незаметно. Ну и бессонная ночь, переизбыток никотина и усталость делали свое дело.

Ничто теперь не проходит бесследно. Кроме того самого здоровья и энтузиазма.

После любого сиюминутного удовольствия неминуемая расплата. Не важно, психологическая, химическая или физиологическая. Только детям до семи лет бесплатно. И теперь я не уверен, что даже им.

И я не смотрел в окно. Я берег остатки своей позитивной энергии, которая и так будто таяла на глазах.

Наступил декабрь, а осень никак не может уйти, уступив, наконец, свое место зиме. Темнота и промозглая сырость вытягивают, кажется, саму жизненную силу, душу.

Я отошел от окна и снова подумал о том, какое все же счастье, что отменилась репетиция, а то ехать мне через весь город под дождем.

Еще я думал о том, что мир заполняет какая-то безымянная и бесцветная масса, холодная и мокрая, и как будто ничего уже не может произойти. Чего-то просто светлого, хорошего и радостного.

Ум знает, что это не так, что все пройдет и все изменится так или иначе. Но чувства, воспаленное сознание и даже, кажется, подсознание, не верят в это. Даже фантазия не работает.

Просто бесконечная осень заполнила меня всего целиком, не оставив места ни для чего другого. На сегодня я весь заполнен ею.

Кажется, единственный способ распрощаться с ней теперь – это заснуть, уйти в спячку, поменять одни декорации на другие. Поменять реальный мой мир на нечто более эфемерное.

Распространенная профилактика неизлечимой патологии.

Проснуться можно фактически где угодно. Один раз проснувшись, можно проснуться и еще раз. Никто не скажет тебе, что ты окончательно покинул то, что ты в данный момент называешь сном. Быть может, мы не покидаем свой сон никогда.

По крайней мере, количество вложенных снов может быть бесконечным. Я даже не помню, где-то я это читал, или кто-то сказал мне об этом, или даже это была моя собственная мысль.

При этом все вокруг может течь сколь угодно долго без перемен, как обычно, как всегда. Но в один прекрасный момент все меняется вдруг. Если только увидеть эти перемены будет дано моему спящему разуму.

Уж слишком свыкаемся, срастаемся с тем, что мы видим каждый божий день. Слишком всерьез воспринимаем эту реальность. Вернее, то, что мы называем этой реальностью. Хотя в любой момент она может оказаться всего-навсего сном. И, что самое забавное, может даже и не твоим.

У меня тоже все проистекало подобным образом. Обыкновенно. Все как всегда. День за днем, как у многих других. Каждый день, засыпая, я знал, что утром не увижу ничего принципиально нового. Разве только заранее известные нюансы вроде времен года и фактического места пребывания в настоящий момент.

Но проснуться каждый раз удавалось только там, где я засыпал. Ну или где меня укладывали в беспмятстве. Всякое бывало.

Однако всему на свете приходит конец, каждому свой и у каждого по-своему. Приходит конец и монотонному течению жизни. И как-то раз заснув в одном месте, мне довелось очнуться в совершенно другом.

Надо сказать, за свою жизнь просыпался я в местах разнообразных – и с географической точки зрения, и с точки зрения окружающей обстановки. Случалось мне пробуждаться и где-нибудь в лесу, подле костра, и на бетонном полу какой-нибудь очередной временной работы, ютясь на куске картона. В тесной, жаркой каюте прыгающего по волнам буксира или же просто в лодке. На причале и в гамаке, на западе и востоке. Просыпался я на разнообразнейших кроватях и диванах, на раскладушках и матрасах. Просыпался один, и просыпался не один.

Как-то раз заботливые друзья после ночной игры в каком-то клубе, где мы к тому же умудрились надраться, уложили меня на выставленный кем-то драный диван во дворе-колодце, а сами при этом ушли куда-то. Я до сих пор помню, как проснулся от яркого солнечного света, покрытый тополиным пухом, с зачехленным инструментом, стоявшим у меня в изголовье. Вокруг играли дети, каркала в ветвях надо мной ворона, из подворотни шумела улица, а я лежал и смотрел в небо, обрамленное крышами и зеленью деревьев, не соображая и не помня почти ничего, как будто только родился.

Не то чтобы я претендовал на какую-то оригинальность. Иные, я думаю, с легкостью заткнут меня в этом смысле за пояс. Но и в моей недолгой жизни бывало всякое.

Только одно правило оставалось для меня неизменным. Я просыпался именно там, где засыпал. Как ни крути.

Я очнулся, скорее именно очнулся, а не проснулся, сидя на чем-то твердом в полной темноте.

Спиной я ощущал твердую шершавую стену, подо мной был сухой бетонный на ощупь пол с каким-то песком, что ли. Пол был не холодный и не теплый, скорее прохладный. Темнота была кромешная, абсолютно ничего не было видно, сколько бы я ни напрягал глаза. Понятно было только то, что я в каком-то помещении. Меня окружал стоячий и немного затхлый воздух, но не сырой подвальный, а просто воздух запертого непрветриваемого и нежилого помещения.

Первым делом я попытался вспомнить, что было вчера, и сопоставить. Но мне это не удалось.

Не то чтобы я не помнил то, что было вчера. Наоборот, я все помнил прекрасно, но состыковать это с тем, что я теперь ощущал вокруг себя, я не мог.

Я ощупал всего себя, с ног до головы, на предмет физической целостности. В голову полезли странные мысли, но более или менее понятные в этих обстоятельствах. Приступ? Смерть? Обвал? Взрыв? Теракт? Похищение?

Но тело слушалось и двигалось, свободу мою явно пока ничего не ограничивало.

Я решил для начала более подробно исследовать окружающее меня пространство. В кармане джинсов обнаружилась спасительная зажигалка.

Подобные зажигалки можно было обнаружить почти в любом кармане моей одежды. Иногда я одновременно владел десятком подобных одноразовых зажигалок.

Освещая ей вокруг себя, насколько это было возможно, я поднялся на ноги.

Единственным, что я смог разглядеть в ее свете, была все та же стена. Обычная кирпичная стена, с выщерблинами и окаменевшим раствором между кирпичами.

Зажигалка освещала мало что, только непосредственно то, что было в нескольких сантиметрах от нее. Потолка она не освещала, и дотянуться до него рукой я не смог. Соответственно, сделать вывод о том, насколько он высокий и есть ли он вообще, было невозможно.

Я медленно пошел вдоль стены, непрерывно опираясь об нее руками, будто опасаясь упустить из вида единственную путеводную нить.

Так я шел, вернее, продвигался с зажигалкой в руке довольно долго, пока не уперся в угол. От этой стены под прямым углом отходила другая стена, абсолютно такая же. Не останавливаясь, я пошел дальше.

Временами на меня находило что-то вроде потери ощущения окружающего меня пространства, будто меня нет здесь и я все же сплю. Происходящее и вправду сильно походило на сон.

В такие моменты я машинально тряс головой, пытаюсь отогнать от себя наваждение. Но это фантастическое непонятное место, в котором я находился, никуда не исчезало.

Наконец я наткнулся на что-то вроде уступа вниз. Буквально пара ступеней. Там, куда уходили эти ступени, в стене, я нащупал проем, а посветив, увидел обычную деревянную дверь.

Почему-то я был уверен, что она заперта, и, не задумываясь, дернул за ручку. Однако дверь легко и бесшумно распахнулась, и я сразу увидел уходящий вдаль освещенный коридор. Просто коридор, абсолютно обыкновенный и скучный.

Направо и налево тоже шли коридоры, но какие-то менее значительные. Так, просто отвороты. Уже метров через десять-пятнадцать они заканчивались новыми развилками. Главный же коридор был шире и уходил куда-то очень далеко, так, что было не видно, чем он где-то там заканчивается.

Видимо, подсознательно я все же ожидал увидеть нечто другое или хотел увидеть другое. В любом случае, увиденное стало неким приговором тому, что до последнего момента ощущалось мной лишь как видение. Темнота придавала всему налет сна, все было так призрачно и зыбко.

Но этот коридор предстал передо мной во всей своей сверхреальной сущности, освещенный редкой чередой тусклых лампочек. Потому, может быть, от неожиданности, а может быть, от растерянности, я на некоторое время перестал эмоционально участвовать в происходящем. И вместо того, чтобы, повинуясь нормальному естественному импульсу, броситься по этому коридору в надежде обнаружить выход, я оставался стоять как каменный истукан, истерично размышляя обо всем сразу и не предпринимая решительно ничего.

Когда-то я уже стоял так на развилке трех дорог. Или двух? Хотя было ли это взаправду? Но что-то именно такое уже было. Очень похожее состояние одеревенения сопровождало меня и тогда.

Наверное, у меня по-другому и не бывает. Особенно если выбор роковой или неминуемый. Или как теперь, не зная, что именно выбираешь и выбор ли это вообще.

Истинный выбор всегда трудный. Особенно если тебе действительно не все равно. Вот захотелось, к примеру, в огромном супермаркете купить очень дешевого, но очень хорошего вина. И начинается...

Или мучительный выбор фильма для вечернего просмотра, очередной книги для чтения, музыки послушать. И вообще, что именно делать, когда особо делать нечего? Идти или не идти? Позвонить или нет? Иметь или не иметь? Зайти или, наоборот, выйти?

Да что угодно может превратиться в проблему в итоге. Но выбор все усугубляет. Даже если особой разницы нет.

А может, ее и на самом деле нет? И все это иллюзия? Иллюзия выбора.

На глаза вдруг навернулась мутная пелена, и мне даже почудилось, что я снова вижу дождь за окном. Холодный и беспристрастный. И слышу шум дождя и ветра. И даже вижу что-то там такое. Те самые занавески?

Я выключил свет...

Хоть главный коридор и был невероятно длинный, он при этом не терялся совсем уж в бесконечности, а метров через сто, может быть, то ли заканчивался, то ли куда-то сворачивал. Хотелось верить, что именно там будет разгадка или хотя бы какая-то дополнительная информация, а может, просто банальный выход?

Боковые коридоры в этом смысле выглядели менее обещающе, обычно такие ведут к навечно замурованным дверям пожарного выхода, к туалетам или вовсе в тупики. Хотя, может, и так, что выход в одном из них? Почему нет? Выход или переход куда-нибудь еще?

Почему-то просто на выход я не очень-то рассчитывал. Даже не знаю почему. Может быть, предчувствие, что просто так все это не кончится. Ведь если я не проснулся до сих пор, то проспать могу еще очень долго. А если проснулся, все еще хуже.

В конце концов, что уж такого сверхреального и непроверяемого было в той моей реальности, и что там было этой реальностью? Почему то, что я видел там сквозь пелену осеннего дождя, до сих пор реальнее того, что я вижу здесь?

Мне уже начинает казаться, что реальность внешнего мира для меня вообще излишне преувеличена. И преувеличена в первую очередь мной самим в страхе перед этой новой реальностью, не желая ее признавать, пускаться внутрь.

Но ведь я остался собой, ничего не привнесено, а то, что меня окружает, лишь что-то еще, просто что-то другое. Или же нет?

Слишком много вопросов сразу, и ни на один у меня нет ответа. У меня вообще нет ответов. Нет способности отвечать, способности воспринимать сам вопрос, способности думать.

Пусть ответ будет в конце этого злосчастного коридора? Почему нет? Может, все проще, чем мне кажется. Иначе и не должно быть. Главное сейчас – поверить в это. Потому что запросто может быть и иначе, но это уже будет потом. Всем свое время.

Просто надо на что-то решиться. Ведь любой коридор когда-нибудь чем-нибудь непременно должен закончиться. Для меня это уже будет разрешением данной ситуации. Пусть даже в какую-то другую.

В голове непрерывный круговорот бесполезных мыслей. Не на чем остановиться, не на чем сосредоточиться. Все кажется мне совершенно бесполезной сейчас информацией.

Однако для начала все-таки стоит успокоиться. И, может быть, все сразу само пройдет, возвратится на круги своя. Что, впрочем, весьма сомнительно. И все же.

Успокоиться, но как? Медитация, молитва, покаяние? Вряд ли я готов молиться и каяться прямо здесь и сейчас. Разве что попытаться восстановить всю цепь недавних событий и найти ключ к моему появлению здесь?

Но со мной уже давно ничего особенного не происходило. Разве что-то такое случилось уже совсем давно? И пока у меня нет однозначного настоящего, может, получится вытащить из себя свое прошлое? Если уж существует какая-то роковая причина, то она обязана быть именно там.

Хотя для меня нет ничего хуже воспоминаний. Особенно из серии «а помнишь?» или «вот были времена!».

Жизненный опыт, он, как известно, сын ошибок трудных. Потому, как правило, я против любых раскопок в собственной памяти.

А что, если я вообще почти ничего важного уже не помню или забыл что-то самое главное? И теперь, когда я нахожусь в подобных туманных обстоятельствах, мне в голову скорее всего ползут какие-то особенные, специальные темы. Тут уж мое подсознание постарается, я уверен.

Опять же, слишком много деталей всегда заслоняет что-то действительно важное. Главное, может быть. В суете нипочем не докопаться до сути. А что еще все эти мелочи, до сих пор летающие вокруг меня, все эти дела, обязательства, желания, мечты?

И чем дольше пытаешься, тем безнадежнее эти попытки.

Сколько-то там лет назад я появился на свет. Этот факт был зафиксирован, разумеется, не мной, но скорее всего так оно и было. Передо мной распахнулась новая реальность.

На самом деле я вряд ли помню хоть что-то из своего безоблачного детства вполне достоверно. Слишком многое наложилось поверх. Остались лишь размытые образы, случайные картинки.

Неважно, впрочем.

Всю свою жизнь я прожил в одном и том же городе, и этот город делал со мной все, что хотел. Он выворачивал меня наизнанку, сносил мне мозг, заставляя испытывать совершенно противоположные чувства к себе, к окружающим меня людям, к окружающему миру, и даже к космосу. Иногда одновременно и совершенно противоположные.

Однако я выжил вопреки его желанию меня растоптать и выбросить, высосать и растворить в себе. Только, наверное, я здорово изменился с момента первого появления на свет.

Или же нет?

Наверное, подобное происходит с любым человеком в любом городе. Город концентрирует в себе слишком много людей и слишком много энергии. И это здорово действует, не может не действовать. На всех по-разному, конечно.

Потом рядом со мной стали появляться другие люди. Чем дальше, тем больше.

Хотя это вначале казалось, что их много и что они так и будут бесконечно появляться на горизонте. Очень скоро поток незаметно иссяк.

Главное, что мы пересеклись в чем-то таком, казалось, очень важном. И они сделались моими друзьями.

И еще я услышал внутри себя музыку. Пока назовем ее так. Хотя я далеко не сразу ее распознал.

Ничто не утешает так, как музыка. И особенно музыка внутренняя.

На самом деле она всегда была вокруг меня. Тот город весь был пропитан ей. Просто в один прекрасный момент я ее почувствовал и более не терял из вида.

Эта музыка также могла сделать со мной все что угодно. Тогда как я всего лишь хотел оставаться собой.

Тогда мне казалось, что должны существовать и другие истории, другие расклады и другие жизни. Я хотел попробовать и их. Я хотел увидеть больше, а все остальное уже потом.

Ведь все вокруг изменяется. Все непрерывно чередуется – люди, вещи, пейзажи, цветные картинки и интерьеры. Уродливое и скучное сменяет интересное и прекрасное и наоборот. Но как только ты перестаешь наблюдать, это движение как будто прекращается, замирает.

Может, именно поэтому я всюду то и дело наталкивался на пределы своего восприятия, на пределы своих возможностей наблюдателя?

Да и музыка никогда не давалась просто. Притом что именно она в результате довольно радикально определила мою жизнь и жизнь близких мне людей и, видимо, продолжает определять до сих пор.

Коридор меж тем оставался все тем же коридором. Таким буквальным, ограниченным и скучным.

От нечего делать я, прикрыв за собой дверь, начал слоняться вокруг да около, пробуя открыть хоть одну дверь, выходящую в него. Причем делал это автоматически, находясь в полной прострации, думая о чем угодно, кроме этого коридора и этих дверей.

Должно быть, это была защитная реакция. Ибо я пока не знал, что именно предпринять дальше. Требовалось решение, но задачу никто не поставил. А моя голова упорно отказывалась теперь работать, перебирая одно воспоминание за другим, словно в тщетной попытке ухватиться за них и выбраться обратно.

Я прикасался рукой к крашеным стенам, словно проверяя их на материальную достоверность.

Все остальные двери, кроме той, из которой я выбрался, оказались заперты. Окон не было. Каких-либо объявлений и внятных табличек тоже.

– Ну и влип же я в историю! – только и пронеслось в голове.

Иллюзий не оставалось. Веры и надежды почти тоже. Очередной творческий экстаз неминуемо проходил, превращаясь в затяжное похмелье поиска новых решений.

Позади было часа два бесконечных повторений невразумительного какого-то фрагмента. Начиная с двенадцатого такта и в лучшем случае до двадцатого. И дело уже даже не в этом фрагменте, не в музыке. Просто наступает, в конце концов, такой особенный момент, когда все вокруг становится невразумительным, только и всего.

Меж тем репетиция продолжалась. Уже давно никто ничего не слышит и не понимает. Мой друг-саксофонист по прозвищу Птица стоит посреди студии, одной рукой придерживая саксофон, болтающийся на шее, и значительно молчит.

Казалось, он так стоял всегда. Было видно, что его раздражает абсолютно все. Он ни на кого не смотрит и ни на что. Его взгляд пустой и устремлен в никуда.

В общем, понятно, что сегодня уже ничего дельного не выйдет, и можно было бы смело расходиться по домам. К тому же было довольно поздно, все после долгого и трудного рабочего дня, голодные и полусонные. И уже давно безумно хотелось пить.

Сушняк на репетициях у меня всегда был именно такой, как после суточного запоя.

Но мой друг Птица был здесь главный и зачастую был ужасно упрям, особенно в такие вот отчаянные моменты. Он явно не знал, что дальше делать и стоит ли. И хоть подсознательно понимал, что смысла никакого продолжать нет, было видно, что домой при всем том он явно не собирался.

Наш неутомимый басист, как будто бы ничего не замечая, отбивал на своем басу оглушительный слэп. Он сосредоточенно выводил невероятно сложный ритмический рисунок, от которого дрожали стены. Весь этот звук был именно такой, чтобы порвать мозг наверняка.

Он у нас тоже был особенный человек, эдакий флегматичный энтузиаст, по нему никак не скажешь, специально он чего делает или нет. Может, и впрямь все мимо него, и депрессия только у нас с Птицей. Хотя, по-моему, не заметить этого коматозного состояния было невозможно.

Барабанщик так отвлеченно, думая, казалось, о чем-то своем, подыгрывал неугомонной и рокочущей бас-гитаре, но при этом слишком уж утонченно и ровно, выделяя все мыслимые и немыслимые акценты. В довершение к чрезмерно запутанной басовой линии все вместе это звучало уже совсем угнетающе бессмысленно и очень громко. Каждый удар отдавался в голове пульсирующей болью.

Я с тоской на все это взирал и думал, как же меня все это достало. Абсолютно ничего не хотелось, только разве поехать домой. И то только чтобы быстрее выйти отсюда. Видеть никого не могу.

Чтобы не сидеть просто так истуканом, я стал тупо и скрупулезно перебирать ноты, многочисленные листки с какими-то записями и схемами, делая вид, что занят очень важным делом. Ненавижу себя за это.

Меж тем напряжение нарастало, я чувствовал его все сильнее, чувствовал спинным мозгом. Даже не глядя ни на кого, я отчетливо представлял себе всю эту картину перед собой.

Не в силах более терпеть, я молча положил инструмент, взял сигареты и вышел. Это был единственный выход в данной ситуации. И хотя курить отчаянно не хотелось, иначе там можно было немедленно сойти с ума.

В коридоре правда было не намного лучше. Из-за многочисленных дверей грохотала – нет, не музыка, что-то очень страшное и громкое, на уровне болевого порога. Ощущение было, что ты непременно в самом глубоком аду.

Сколько уже лет, а я не мог к этому привыкнуть никак. Эта какофония, этот диссонанс был непереносим на физиологическом уровне, все остальные уровни худо-бедно отключались сами собой. Панк, трэш, хард и черт знает что еще. Все это одновременно грохотало, визжало и пульсировало вместе со всем зданием бывшей какой-то фабрики в промзоне.

Сигаретный дым висел пластами, подсвеченный ядовитым светом люминесцентных ламп, нелепо болтающихся под потолком. Вокруг кислая вонь и грязь. Не то чтобы какой-то определенный мусор, а просто все такое бессмысленно облезлое, пыльное и влажное. Эти на все возможные масти железные двери, с наваренными на них невообразимыми ручками, вкривь и вкось. И тут и там торчали всевозможные трубы, уродливая проводка и переполненные пепельницы.

Очередное бывшее здание, само по себе распространяющее безысходность. Бесконечный мертвый армированный бетон. Грузовой лифт без дверей и ограждений темнеет в углу пропастью.

Я закурил, выпустил дым в потолок и закрыл глаза. Как будто стало чуть легче, можно было попытаться представить, что ты где-то не здесь. Хотелось заткнуть также и уши, но это было бы бесполезно.

Такой вот он, этот самый рок-н-ролл. Изнанка любой романтики – это совершенно невыносимые условия, вонь и грязь. Без веры и дури никуда.

Сзади стукнула дверь. Нарочито ленивой походкой, не глядя на меня, на ходу закуривая и сплевывая на пол, подошел Птица.

– Дай сигарету. Заколебало все. Домой сейчас поедем.

– Давно пора. Ничего сегодня уже не родится, только вытошнит разве.

Я с отвращением загасил сигарету о банку с окурками, прикрученную к трубе.

– От чего это тебя вытошнит? – моментально ошетинился он, готовый теперь, как загнанный зверь, драться со всеми и сразу.

– Да уже от всего. И с чего ты взял, что именно меня?

– Да-а, может... Чего-то я не знаю, что дальше делать. Старик наш просто достал меня сегодня, сил нет. Скучно все!

Я тоже не знал, что делать, и делать ничего не хотелось, не хотелось даже говорить. И я молчал.

Мучительно хотелось пить и жрать тоже хотелось.

– Ладно, пошли собираться.

И мы пошли.

Потом опять эта осточертевшая дорога к метро. Как будто полжизни одна и та же. Осень, темно, все вокруг отвратительно мокро блестит, пронизывающий холодный ветер, бесконечные развалины промышленных корпусов с темными бойницами выбитых окон.

Ребята по инерции говорят ни о чем. Барабанщик наш даже немного повеселел, ничего его не берет.

Все откровенно напоминает конец света. Он должен быть именно таким.

Тошнота.

Полчаса трясет в метро, с пересадкой. В полночь я дома. Постель и пустота.

И при чем тут музыка? Дурацкий этот эпизод с репетицией? Теперь, здесь, все это похоже на чью-то чужую жизнь. И все это вместо того, чтобы немедленно искать выход, двигаться.

Не очень-то продуктивная идея – копаться в собственной памяти в поисках неизвестно чего. Надо думать, ничего там конструктивного нет, только ощущение потом всегда остается обратное.

И вообще, когда не думается, думать о чем-то важном бесполезно, а иногда даже опасно. Ничего хорошего из этого точно не выйдет.

Может, конечно, слишком легко я от всего отмахиваюсь. Не получается – и не надо. Но ведь есть такие тонкие вещи, которые очень легко спутать, потерять. Можно пройти их напролом и в итоге получить совершенно противоположный результат, окончательно зайти в тупик.

Теперь надо что-нибудь сделать, просто так, ради того чтобы что-нибудь сделать. Оставалось всего-навсего выбрать путь.

Я снова огляделся. Налево, прямо или направо? Не такой уж большой выбор.

Двигаюсь прямо.

Выбор в условиях полной неопределенности. Неопределенность внутри и неопределенность снаружи. Неожиданно обнаружена долгожданная связь между тем миром и этим. Может, это и есть объяснение?

Но что эта моя внутренняя вездесущая неопределенность по сравнению с теперешней неопределенной действительностью? Ведь это может быть, в сущности, что угодно!

Может быть, именно теперь вокруг происходит нечто значительное, как минимум необычное. И, может, именно в этом и есть выход? Распутать этот бесконечный клубок в своей голове, и распутается лабиринт коридоров, открывая передо мной выход отсюда?

Хотя если это так, если лабиринт, в котором я теперь нахожусь, является следствием моего путаного сознания, тогда дело гиблое. Есть вещи, к которым лучше не прикасаться.

Болото.

Правда теперь, здесь я смотрю на себя в той жизни будто со стороны. Со стороны должно быть виднее.

Работа – дом, дом – работа. Я слишком долго двигался по этому кругу как в полусне, молча. Иногда за секунды пешком пролетая кварталы и целые районы. И тогда город оставался как за стеклом.

Или же наоборот – застревая где-нибудь в чреве его, словно на чью-то целую жизнь. Наблюдая потом эту вечность из окна автобуса, застрявшего в пробке. Какую-нибудь подворотню, ведущую, похоже, в иную реальность. Или уснувший в этой же вечности тупиковый переулок, случайно выхваченный во тьме желтыми уличными фонарями.

И тогда реальность напоминает иностранный фильм с любительским переводом. Сам перевод слышно отчетливо, а настоящие звуки из фильма еле долетают до тебя, как через вату.

А потом вдруг реальность распахивается передо мной всеми пронзительными деталями и красками своими. Так, словно я в первый раз в этом городе и только что приплыл, прилетел, приехал на машине.

Все это невозможно объединить во что-то цельное. Я это хорошо понимаю именно теперь, отсюда, из этого моего коридора. Может, потому, что здесь ничего такого никому не надо. Здесь нет никого, кому что-нибудь из этого могло бы понадобиться. Здесь нет никого.

Вдруг я как-то сразу устал. Устал от этих бесконечных, никуда не ведущих вопросов и размышлений.

Уж лучше просто идти.

Коридор, качающийся из стороны в сторону, словно некий призрачный маятник, только усиливал подступающую тошноту. Бесконечные стены двигаются, как кажется, уже прямо на меня. Из ниоткуда в никуда. Бесконечные стены со всеми этими дверными проемами. То слева, то справа. С дырявым линолеумом на полу. С поворотами то и дело. Настоящий лабиринт.

Я с тоской оглянулся. Спереди и сзади, даже слева и справа ничего, кроме коридора. Весь мир сузился теперь до его нутра с закрытыми, будто мертвыми дверьми.

Однако я с удовольствием сейчас чего-нибудь бы выпил. Прекрасный выход из любого затруднительного положения. Хотя бы на время.

Мечтательно я посмотрел на тусклые лампочки, проплывающие над головой, и непроизвольно вздохнул.

Никогда.

Неужели в моей голове не осталось места для чего-то отвлеченного, простого и позитивного? Исключая, разумеется, алкоголь. Понятного и пригодного для использования. Без всяких там крайностей.

Все-таки окружающий антураж определенно придает особый ход моим мыслям. Все это результат продолжительного и бесполезного движения.

Шаркающие шаги то гулко шлепали по кафельной плитке, то скрипели по линолеуму. Любой поворот коридора налево непременно сопровождался поворотом направо. Или мне так только казалось?

До чего же мерзкой краской выкрашены стены!

Мучительно хотелось почистить зубы и помыться. А лучше всего принять душ, можно даже холодный. И чашку кофе. Я все бы отдал за простую чашку горячего крепкого кофе. И чем крепче, тем лучше. Про еду я старался даже не думать.

По бокам монотонно проплывали двери. Иногда над ними или рядом с ними попадались полустертые таблички, обрывки плакатов или схем. Но разобрать что-либо членораздельное мне не удавалось.

Стены и вправду были выкрашены отвратительно и по-разному. Сначала они были неопределенного поносно-желтого цвета. Потом, после первого поворота, стали бледно-зеленые. А теперь уже какие-то грязно-серые. Словно переходишь по одному и тому же коридору из одного здания в другое. Даже высота потолка, по-моему, менялась.

Или, может быть, этот коридор идет где-то глубоко под землей? Как туннель метро, например? Или бомбоубежище?

Что-то пока не видно ему ни конца, ни края. Пожалуй, это самый длинный коридор из всех, что встречались мне до сих пор. Интересно, когда и кто тут был в последний раз? Ведь кто-то когда-то тут проходил так же, как я, шаркающей походкой, куда-то там?

Наверное, в отличие от меня, он знал, куда он идет. У него была вполне конкретная цель. Или же он искал какой-то определенный кабинет, какого-то там человека. Или же кто-то брел по этому коридору, как я, не зная, где он находится. Без цели и без времени, неизвестно зачем и куда.

Когда-то здесь, наверное, былолюдно. Хлопали двери, сновали туда-сюда люди. Все такие деловые или, наоборот, мающиеся от безделья и обязательно в клубах сигаретного дыма.

Я внутри какого-то строения, какого-то дома. Это очевидно. Но если это просто здание, то оно поистине гигантское. По-моему, я шел уже несколько часов, не сворачивая, и, хоть совсем перестал ориентироваться во времени и пространстве, прошел довольно много. Я думаю, несколько километров. Какое здание может быть таких размеров?

Хоть я соображал теперь неважно, мне было ясно, что таких зданий не бывает. Это невозможно. Бред.

И тем не менее я нахожусь именно в таком. Если, конечно, никто не шутит со мною злую шутку. Или же я снова хожу по кругу, как заводная игрушка.

А если это здание бесконечно? Может ли существовать бесконечное здание? С одной стороны, почему бы и нет. А с другой, ведь должен же был его кто-то построить.

Такие коридоры я раньше видел разве в очень старых домах, где они вьются, как кишки, запутывая в себе любого человека, посягнувшего на их чрево. И то, что коридор не был абсо-

лютно прямым, было даже хорошо. Я не видел бесконечной этой дали впереди и позади себя. Зрелище было бы не для слабонервных. Рискнул бы я отправляться в путь, наблюдая впереди себя лишь бесконечную пустоту?

А может, это какая-то моя основная стезя? Мой путь, предстоящий или уже пройденный?

Или это сам я? Мое Я, мой мозг, его извилина? Самая длинная и безнадежно распрямленная. Извилина, уводящая меня все дальше. Дальше всего остального сущего и уводящая в никуда.

Однако где-то уже ближе к ночи по моим приблизительным подсчетам, когда я уже был на грани отчаяния, коридор наконец-то закончился. Как будто его вдруг оборвали на полуслове. Он просто закончился и все.

Тупик.

Это было так неожиданно, что я не сразу в это поверил. Мне все казалось, что где-то есть еще какой-то поворот или ответвление. Что-нибудь.

Но нет. Никаких поворотов. Лишь сбоку уходила куда-то вниз обшарпанная винтовая лестница.

Потом была типография. Я сам ее так назвал. Просто чтобы как-то назвать, исключительно для удобства.

Лестница, по которой я спустился туда, оказалась чугунной, скользкой и очень крутой. Как в каком-нибудь музее.

Почему я подумал, что это типография? Даже не знаю. Мне показалось, что это помещение было похоже именно на древнюю типографию.

Длинный зал с высоким сводчатым потолком. Тут и там на потолке горели лампы дневного света. Но при этом было не намного светлее, чем в коридоре.

Весь зал заполняли огромные нелепого вида машины и разнообразные устройства. Ржавые, покрытые паутиной и пылью, они загромаждали собой почти все пространство. Как будто их складировали сюда, отслуживших свой век где-то еще. Складировали в течение довольно продолжительного времени. Посередине между ними оставался довольно узкий проход вдоль всего зала.

Но при всем при том работали на них именно здесь. Это было видно по всему. По любовно организованным рабочим местам у каждого такого агрегата. По электрической подводке и грудам когда-то отпечатанных материалов, разложенных вдоль стен. Табуретки, столы, тумбочки, выцветшие календари, стаканы в подстаканниках, как в поезде, чайник, тускло поблескивающий под одним из ближайших столов и куча мусора на полу. Кое-где на стене на крючках висела рабочая одежда. Что-то типа халатов неопределенного цвета. На вешалке, слева от лестницы, висел зонтик, старое пальто со шляпой и старый плащ. Под вешалкой стояла пара калош и один ботинок. У стен, помимо отпечатанной продукции, громоздился огромный рулон бумаги, пожелтевшей от времени.

Какое-то время я просто стоял и разглядывал это новое для меня помещение и заполнявшие его детали и предметы. После целого дня ходьбы по коридору это было первое, что хоть как-то отличалось от собственно коридора и было достойно моего пристального внимания.

Я медленно и неуверенно побрел вглубь зала.

Пол был кафельный. Обычные такие красно-желтые плитки, какие можно увидеть в любом общественном туалете. Здорово потертые и местами побитые.

Стены покрашены в густой зеленый цвет, но местами краска так облупилась, что под ней пятнами проступала другая, то ли бледно-розовая, то ли красная. Все это, вместе с многочисленными трещинами и непонятными отверстиями, проводами, клочками чего-то и много-

численными подтеками, сливалось в неопределенный фон типичного промышленного помещения.

Железные машины, вздымающиеся местами чуть не до потолка, такие непоколебимые и величественные, выглядели вместе с тем абсолютно заброшенными.

Заинтригованный, я подошел к одной из них. Ржавчина и грязь уже начали придавать ей какие-то новые очертания, заполняя и сглаживая собой многочисленные технологические отверстия и отдельные мелкие детали.

Ее предназначение было для меня загадкой. Что-то типа пресса. Здоровенные чугунные колеса и шестерни. Длинные рычаги, торчащие во все стороны.

Было совершенно непонятно, сколько всему этому может быть лет. Год, десять или сто. А может, и все двести. Здесь, как и в коридоре, казалось, что время не существует. Или оно имеет совершенно другую протяженность и иной смысл.

Я дотронулся до металла. Он и на ощупь оказался металлом. Хоть какая-то достоверность. Не теплый и не холодный, твердый и безразличный. Я чувствовал этот металл, чувствовал пыль на его шершавой поверхности и больше ничего.

Я присел на стоявшую рядом с виду чистую табуретку, все так же опираясь одной рукой о станок, будто боясь потерять ту связь с материей, которую я уже для себя нащупал.

Посидев так какое-то время, я попытался в который уже раз посмотреть на все это трезвым взглядом. Вытянув ноющие ноги, в наслаждении от этой приятной перемены своего положения, я пытался размышлять, логически осмысливая то, чему я стал свидетелем. И, в очередной уже раз, я осознал свою совершенную беспомощность.

Тогда я снова решил действовать. В меру своих возможностей, конечно. Пересилив себя, я встал, встряхнулся и пошел дальше обходить это царство железа. От одной нелепой технологической формы к другой.

Будь что будет, не сидеть же сиднем. В общем, здесь было даже интересно. Как в музее.

И почему я решил, что это типография?

Я находил много интересных вещей. Это были всякие мелочи вроде предметов одежды, весьма неожиданных здесь. Вроде наполовину разодранного на тряпки фрака, совсем новых пляжных шлепанцев и огромных меховых рукавиц. Попадались различного рода инструменты. От отверток и пинцетов, валяющихся где попало, до гигантских кувалд и разнообразных разводных ключей. Был даже один ржавый топор и не менее ржавый, но непомерно огромный коловорот. Он стоял, прислоненный к стене, будто появился там в один прекрасный момент, да так и оставался не тронутый столетиями.

До конца зала я так и не дошел. Сделав небольшой круг, я вернулся к давешней табуретке и снова присел отдохнуть.

Голова гудела от усталости. Никакие мысли так и не приходили, зато пришла апатия. Я почувствовал, что глаза сами собой закрываются. Еще немного, и я усну прямо здесь, на этой самой табуретке.

Но я не хотел спать прямо здесь. Во-первых, неудобно, а во-вторых, что-то в этом зале напрягало меня. Потому, кое-как поднявшись, я побрел искать место для ночлега.

И справа от лестницы, по которой я сюда спустился, заметил небольшую дверь. Я ее сразу просто не заметил. Да и лампа на потолке в этом месте, видно, перегорела, и было довольно темно.

Я подошел и просто потянул за ручку.

Дверь оказалась незапертой, несмотря на многочисленные замочные скважины, зиявшие под и над ручкой. За дверью стояла непроницаемая темнота, но справа я нащупал выключатель.

Щелкнув, загорелся неяркий, но приятный желтый свет. Комната оказалась крохотной и довольно уютной. Уж не знаю, что было здесь раньше. У стены стоял небольшой с виду мягкий диван с тумбочкой и настольной лампой в изголовье. В другом углу приткнулся небольшой

холодильник, а рядом с ним узкий высокий шкаф, под завязку забитый какими-то папками и бумагами. Еще посреди комнаты стоял письменный стол и стул. Что-то типа кабинета.

Я закрыл за собой дверь и еще раз оглянулся вокруг. Справа в углу я вдруг обнаружил кирпичный камин.

Камин? Откуда здесь камин? Действительно, камин и рядом стопка дров. Совсем немного, буквально на пару растопок. Кочерга висит на гвозде.

Под ногами был уже не шуршащий кафель, а деревянный скрипучий паркет, здорово потрепанный, но, в общем, достаточно чистый.

Удивившись сперва камину, я вновь почувствовал смертельную усталость. И уже ни на что больше не глядя, я плюхнулся на диван.

На этот раз снов не было точно. Да и бывают ли сны во снах? Это есть большой вопрос.

Проснулся я от непрекращающегося, надоедливого шума. Казалось, вся комната вместе с мебелью ходила ходуном. Будто где-то там внизу проходила линия метрополитена.

Хорошо, если бы это было так.

Но это был шум множества работающих механизмов. Иногда казалось, что среди лязгов, стуков, гула и рокота раздавались не то шаги, не то чьи-то голоса.

Первое время я не мог отойти от сна и осознать, что происходит вокруг. Не мог совместить вчера и сегодня.

Поэтому я не спешил вставать, мучительно долго продирая глаза. Наверное, я просто испугался спросонья. А может, просто не спешил разочаровываться.

Но бесконечно так лежать было невозможно. Я стянул с себя дырявое покрывало и сел, неуверенно глядя на закрытую дверь, из-за которой и раздавался весь этот шум.

Наконец решившись, я встал, тихонько подошел к двери и осторожно ее приоткрыл.

Звуки сразу многократно усилились. Так, что, оглушенный, я даже отпрянул назад.

Передо мной предстал все тот же зал и одновременно как будто совершенно другой.

Казалось, везде что-то двигалось. Некоторые механизмы работали. Они крутили своими огромными колесами, что-то перемещали внутри себя, прессовали и обрезали.

По всему помещению грудами валялись листки с отпечатанными текстами и непонятными графическими изображениями. Все это сопровождалось неимоверным грохотом, скрипом и лязгом. Не хватало только клубов пара да разинутых раскрасневшихся печей.

Казалось, было так много движения, что охватить взглядом все сразу я не мог. То тут, то там мне мерещились фигуры людей или их призрачные тени. Ведь за сутки тишины и забвения я впервые видел, что что-то происходит, причем прямо здесь и сейчас.

Я стал осторожно продвигаться вглубь зала, каждый раз осматривая пространства, открывающиеся за очередным аппаратом.

Вроде бы стало немного светлее. Так, будто откуда-то извне сюда проникал дневной свет. Хотя, может, мне так казалось со сна. Я до сих пор еще не проснулся окончательно.

По крайней мере, здесь что-то меняется. Я был уверен, что все это очень важно. Не то, чтобы у меня сразу появилась надежда. После вчерашнего хождения по коридорам отчаяние мое никуда не делось. Но я был более чем заинтригован. Во мне пробудился интерес. Я был далек от апатии, еще вчера посетившей меня перед сном.

Будь что будет. Только пусть что-нибудь происходит. Иначе можно сойти с ума.

Продвигаясь все дальше, я видел изменения, произошедшие здесь со вчерашнего вечера. Вещи лежали не на своих местах. Были передвинуты стулья и табуретки. Появились какие-то новые вещи.

Зрительная память быстро выявляла в общем хаосе эти незначительные изменения. Тут явно кто-то был.

И тут я увидел этого кого-то. Я увидел человека. Первого человека за сутки.

Он сидел на стуле, за очередной работающей машиной, чем-то похожей на прокатный стан, скрючившись над какими-то бумагами.

На нем был обычный рабочий халат черного цвета, а на голове маленькая черная вязаная шапочка. Довершали одеяние никчемные серые брюки и огромные ботинки, давно нечищенные и изрядно поношенные. Все в его одежде и его позе было обычным и скрюченным, будто он сидел так каждый день из года в год.

Он не слышал, как я подошел. Или просто не обращал ни на что внимания. Я же не решался обратиться к нему, стараясь рассмотреть его получше.

Тут он сам оторвался от бумаг, лежащих перед ним, поднял глаза на станок перед ним, казалось, размышляя о чем-то. Потом, взглянув в мою сторону и заметив меня, еле заметно кивнул и тут же снова вернулся к своим бумагам.

Мое присутствие явно его не удивило. Можно даже сказать, что мое присутствие его никак не заинтересовало. Хорошо, что он вообще меня увидел. Распознал как живое существо, равное себе, как человека. Можно было подумать, что люди здесь так и шныряют туда-сюда, как в метро в час пик.

Я был несколько удивлен, ожидая какой-то другой реакции. Меж тем реакции как раз и не последовало.

Я подошел к нему ближе. Рядом с его стулом стоял помятый коричневый портфель. Еще в углу появился какой-то рулон, наверное, чертежи или просто листы ватмана. На столе перед ним помимо бумаг валялась куча карандашей, ручка, линейка и резинка.

Вчера всего этого здесь не было. Я точно это запомнил, потому что именно отсюда я вернулся назад, отложив дальнейший осмотр на сегодня.

Я подумал, как бы его окликнуть. Иногда, если не сделать этого сразу, кажется, что это вообще невыполнимая задача. Совершенно непонятно как.

Но не мог же я уйти просто так. Я должен был с ним поговорить, задать пару вопросов. В любом случае надо попробовать. Вряд ли я чем-то рискую. Надо решиться и все, а дальше само как-нибудь.

– Извините! Здравствуйте! Послушайте, а вы здесь откуда? В смысле, что вы здесь делаете?

Он повернулся ко мне и уставился прямо в глаза, не проронив при этом ни звука.

– Я, похоже, заблудился. Вы можете сказать мне, где я нахожусь. Как называется это место?

Выглядел я, наверное, не очень. В голове со сна была полная каша. Вопросы я формулировал соответственно.

– Печатная мастерская городского архива. Типография, если угодно. И я здесь работаю. А вы разве нет? – наконец почему-то раздраженно проговорил он.

– Простите? Вы же меня здесь в первый раз видите. Как я могу здесь работать? – запутался я сразу еще больше.

– Разве? – равнодушно бросил он.

– Простите, что? Как мне отсюда выйти? Вы не подскажете?

– Куда выйти? Куда вам надо? – уже совсем раздраженно бросил он мне.

– Просто выйти, я не знаю куда. Я не знаю, что это за здание и где оно находится. Мне просто надо выбраться отсюда.

Я почувствовал неожиданный приступ легкой паники.

– Это совсем не так просто, как вам кажется. Не зная, куда вам надо, отсюда никуда не выберешься. Да и откуда угодно, пожалуй.

Он говорил медленно, одновременно четко и не очень внятно. Какая-то странная у него была дикция. Будто акцент, но вроде как и нет. Шум еще больше делал его речь неразборчивой. Он уже не смотрел на меня, глядя куда-то сквозь, в никуда, и, казалось, думал о чем-то своем, со мной никак не связанном.

Как только я увидел перед собой человека и заговорил с ним, я сразу моментально и окончательно проснулся. Но его ответы снова погружали меня в туман.

Не рассчитывая уже на внятный ответ, я продолжил разговор.

– И все-таки. Что находится за этим залом? Ведь в том конце зала есть выход?

– Для кого выход, а для кого и вход, – резонно заметил он.

– Ну, хорошо. А что там за входом? Куда я могу попасть, если пойду в ту сторону? Что там дальше?

– Там лестница, естественно. Вы будто не знаете? Вы же как-то сюда вошли.

– Простите, это может показаться странным, но я здесь уже сутки. И пока еще ни одного выхода или входа не видел. Я спустился сюда по той винтовой лестнице. Также до сих пор я не видел здесь ни одного человека.

Но мой собеседник был как камень, абсолютно непроницаемый.

– Простите, но я вас не понимаю.

– Что же тут непонятного? Я брожу здесь уже сутки и до сих пор не знаю, как мне отсюда выйти.

– А куда вам надо? – снова вскинулся он.

– Ну, хотя бы на улицу. Я могу спуститься по той лестнице и выйти на улицу?

– Не знаю. На какую улицу? Я не совсем понимаю, чего вы все-таки хотите и куда вам надо?

Снова раздражение.

– А кроме вас тут есть еще кто-нибудь?

Я начал подозревать, что мой собеседник не совсем адекватен, ибо простой вопрос его откровенно ставил в тупик. Или я за вчерашний день разучился разговаривать с людьми? Вряд ли.

– А кто вам нужен? – спросил он и опять посмотрел на меня, неприятно сощурившись и разглядывая меня в упор.

Лицо у него было не старое и не молодое. Изрядное количество морщин придавало ему суровую строгость, и при этом лицо не выглядело умным и приветливым. Скорее бесстрастным и упрямым. Как у отставного прапорщика.

Я вяло уже продолжал.

– Я бы хотел поговорить с кем-нибудь еще. Здесь есть кто-нибудь кроме вас?

– Так кто вам нужен, молодой человек? Что вы, в конце концов, от меня хотите?

– Мне просто надо выбраться из этого здания. Наружу! Вы понимаете меня? Я спустился сюда по той винтовой лестнице, – я даже показал по какой. – Теперь, если я выйду отсюда через ту дверь, куда я попаду? Смогу я там выйти из здания?

– Молодой человек, я вас не понимаю. Вы выйдете там на лестницу. Куда еще здесь можно выйти? Если вам нужна лестница, то вам в ту дверь. Скажите, наконец, куда конкретно вам надо? И что вы вообще здесь делаете?

Он явно начинал раздражаться чем дальше, тем больше, и, видимо, откровенно меня не понимал. Или не хотел понять. Я тоже уже утомился, и, к тому же, понял, что добиться чего-либо от него мне не удастся.

Схожу, ей-богу, посмотрю сам, что это за лестница. Может, встречу еще кого-нибудь, более понятливого.

Сухо поблагодарив и распрощавшись с этим гражданином, я направился к видневшимся в другом конце зала дверям, за которыми должна была быть обещанная лестница.

При этом, оглядываясь по залу в поисках других людей, я более никого не увидел. Этот же тип после разговора со мной опять уткнулся в свои бумаги, как будто меня и не было в помине.

Пройдя через весь зал, до самого его конца, я подошел к дверям и взялся за ручку.

Скрипнув еле слышно, дверь открылась, и я увидел лестницу.

Невозможно что-либо объективно оценивать и воспринимать, когда ты не уверен даже в собственном существовании. И это был как раз мой случай.

Понятно, что вообще ничего невозможно воспринимать объективно и что в сущности ничто не может придать уверенности в непрерывном существовании кого угодно. Но в данном случае речь шла уже о другом.

Дело в том, что с момента, как я взялся за дверную ручку, до того момента, как я оказался на лестнице, объективно прошло гораздо больше времени, чем это показалось мне.

Волей-неволей мысль, которую я отгонял от себя все эти два дня, все настойчивей проявляется у меня в голове.

А может, все же проблема только во мне? Во мне одном? Может, я просто-напросто свихнулся, сошел с ума?

Но все это теперь прозвучало слишком странно и глупо как-то. Хотя, опять же, смотря с чем сравнивать. И даже если это так, мне кажется, я до самого последнего момента не смогу себе в этом признаться. Не смогу просто осознать, понять это.

Так что, если это правда? И я все это время или гораздо дольше брожу то ли в лабиринтах своего сознания, то ли по коридорам какой-нибудь психушки, воображая себе бог знает что.

Я попытался представить себе все это со стороны. Происходящее теперь представлялось мне в виде эдакого постановочного спектакля.

Все тщательно продумано, отрепетировано и потому выглядит совсем уже абсурдно.

Вокруг стояла мертвая тишина. Но еще совсем недавно меня окружала масса звуков? Я повернулся к дверям, откуда я как будто только что вышел. Оттуда не раздавалось ни звука!

Рванув на себя дверь, я ринулся обратно в зал.

Тишина и никого. Та же картина, что и вчера. Те же станки стоят на своих местах, один за другим, теряясь в полумраке зала. Явно стало темнее, теперь я уже был в этом уверен.

Я бросился по залу туда, где я только что, казалось, говорил с человеком. С живым человеком. Может, единственным человеком здесь.

Мой бег отдавался гулким эхом. Уже по нему было понятно, что здесь, кроме меня, никого больше нет.

А может, и не было? Где доказательства? Моя собственная память уже не в счет.

Вот он, этот стол и этот стул.

Никого. Ни человека, ни его вещей. Нет даже ощущения, что недавно здесь кто-то был. Разве что с тех пор прошел не один час.

Может быть, где-нибудь там, в конце зала, в той комнате, где я ночевал?

Я побежал дальше. Побежал, будто боясь опоздать. Сердце стучало, как безумное.

Опоздать? Но куда? Куда я так спешил? Кого хотел настигнуть? Человека или привидение?

Вот он, конец зала. Вот она, та дверь. Дверь, как и тогда, была открыта. Там внутри, естественно, никого. Та же комната, ничего не изменилось. Смятое покрывало на диване. Камин, стопка дров. Все, как я оставил здесь утром.

Я присел отдохнуть немного и перевести дух. Все-таки зал не маленький. Страшно захотелось вдруг пить.

Я автоматически подошел к холодильнику и заглянул внутрь. Больше искать было просто негде. Все на виду.

В холодильнике оказалась бутылка, заполненная чем-то белым. Обыкновенная запечатанная фольгой бутылка с надписью «кефир». На вид там и правда был кефир.

Но сколько он здесь пролежал? Да и холодильник вроде как не работает. На дату смотреть было бессмысленно.

Я вскрыл бутылку и осторожно понюхал. Вроде кефир как кефир. Осторожно попробовал на язык. Да, кефир, и вполне себе вкусный и даже свежий.

Несколькими жадными глотками я осушил всю бутылку. Немного полегчало. Совсем чуть-чуть.

После всей этой беготни и бесплодных поисков я как-то снова здорово сник. И пребывая в состоянии отрешенном и подавленном, я снова вышел на лестницу.

Так уж получается, что все заходит в тупик. Все запутывается еще больше, а ведь я уже поверил в благополучный исход. Теперь я понял, что, увидев того человека, я сразу успокоился, решив про себя, что выход из лабиринта так или иначе найден. А сейчас снова пустота и эта лестница. Куда она ведет?

Я заглянул вниз между пролетов, но ничего не увидел. Нижняя площадка тонула во мраке. Я разглядел там только бесформенную грудку ломаной мебели. То ли столы со стульями, то ли шкафы, то ли просто какие-то доски. Как это обычно бывает там, где никто не ходит. Обязательно что-нибудь да навалено.

Так что, вполне возможно, там был очередной тупик. Еще один тупик.

Наверх по лестнице было однозначно светлее и более обнадеживающе, что ли. Насколько высоко поднимается лестница, отсюда было не видно. Пролеты перекрывали друг друга в проеме. Постояв еще с минуту в нерешительности, я двинулся вверх.

А что, собственно, оставалось делать? Тут уж думай не думай, назад мне хода не было. По крайней мере, возвращаться в тот длинный коридор я не хотел, от одной этой мысли мне становилось не по себе. Вниз еще успею, если что. Не очень-то хочется забираться мне в ту темноту внизу. Все-таки вверх лучше всего. Это так естественно. Сверху и видно лучше.

Лестница была такой же видавшей виды, как и все здесь. Те же давно не крашенные облупившиеся стены невнятного желтого цвета. Те же тусклые желтые лампочки на площадках, не способные до конца развеять этот полумрак, поглощающий здесь все и вся. Старое здание. Интересно, сколько ему может быть лет?

Хотя вся эта застарелость и заброшенность вряд ли измерялась годами. Это как внутреннее содержание чего-то. Предмета, живого существа или даже человека. И, может, в первую очередь именно человека. Снаружи все блестит и сверкает, а внутри ничего. Запустение и пустота.

И что хуже всего, здесь до сих пор не было ни одного окна. Это больше всего угнетало и путало с самого начала. Будто ты погребен под землей.

От всех этих мыслей мне опять сделалось нехорошо. Навалилась апатия, стало трудно дышать. Все тело сковала слабость, аж колени подгибались.

Все-таки что-то со мной явно не в порядке. Очень похоже на помутнение рассудка, как это ни печально было бы признавать. Слишком нехорошие симптомы.

Правда, какими именно дополнительными симптомами сопровождается это помутнение, я представлял себе плохо. Другое дело, что раскоординация во времени и пространстве, бесконтрольные воспоминания и галлюцинации говорили о некоторой, пусть и временной, неполноценности.

Я сразу вспомнил про человека в типографии и непроизвольно пожал плечами.

А теперь еще и полуобморочное состояние. А может, был и обморок. Тогда, когда я вышел на лестницу в первый раз, а потом сразу все вокруг изменилось.

Преодолев еще пару пролетов, на очередной лестничной площадке я увидел дверь.

В отличие от той, что была внизу, эта выходила на другую сторону дома и была похожа на обыкновенную дверь в квартиру. Высокая такая двустворчатая дверь. Какие попадаются обычно в старых домах. И она, естественно, оказалась закрыта.

Все возвращается на круги своя. А то расслабился, раскатал губу. Люди ему привиделись, собеседники. А ведь ничего по сути не меняется. Никогда. Если чувствуешь, что задница и вокруг тебя задница, значит, ты в заднице, и ничего, кроме задницы, тебе не светит.

Еще пара пролетов. Темная площадка, видно, перегорела лампочка. Еще одна дверь. Почти такая же.

Уже проходя мимо, машинально дергаю ручку и вдруг обнаруживаю, что она не заперта. Интересно!

Главное теперь, без резких движений. Нам, душевнобольным, главное что? Главное – это покой! Покой и только покой. Спокойствие во всем.

Совершенно спокойно открываю дверь и захожу в небольшой темный коридор с высоким потолком, из которого в свою очередь выходит еще несколько дверей. Свет не горит нигде. Вернее, свет идет откуда-то сверху, из небольших таких окошек над дверьми. Окошки то ли замазаны чем-то, то ли просто грязные. Свет сквозь них еле проходит. И скорее всего это уличный свет. Над некоторыми дверьми эти окошки темнее, над другими светлее.

Чем-то похоже на поликлинику. Что, в общем-то, было бы не так уж плохо в моей ситуации. Но для поликлиники коридорчик слишком уж захудалый. И где таблички с наименованием кабинета и фамилией врача, скамейки для пациентов? Вместо скамеек какое-то барахло, наваленное вдоль стен, а на стенах обои и вешалки с полками.

Это совсем не поликлиника и не больница. Вот и засохшая осыпавшаяся елка притулилась в углу.

И пока ни звука. Ватная тишина. Что дает мне повод думать, что и здесь никого нет. Еще один тупик?

Первая же дверь в коридоре, как и ожидалось, оказалась запертой.

Как будто чья-то жизнь. Череду открытых и закрытых дверей. В основном, конечно, закрытых.

А потом...

Я хорошо помню наш первый настоящий концерт. Облезлое и внутри, и снаружи здание дома культуры. Бесконечные лестницы и двери.

Концерт был в самом разгаре, и мы давно ждали своей очереди.

Не в силах разговаривать друг с другом, мы стояли поодаль в обширных закулисных пространствах на служебной лестнице и почти непрерывно курили. Рядом стояли такие же, как и мы, молодые и внешне очень крутые и отчаянные музыканты всех мастей. Был какой-то там фестиваль, и подобных нам групп набралось с десяток, а то и больше.

Я помню, что у меня здорово тряслись руки, и эту проклятую дрожь было никак не унять. Никакими силами. Даже прикурить было нелегко. И я с трудом представлял себе, как возьму инструмент в руки и буду еще что-то такое с ним делать.

А в зале собралась приличная толпа весьма искушенных и шумных людей, которая истоиво и нервно реагировала на все то, что происходило на сцене. И пару коллективов уже здорово освистали и вынудили покинуть зал.

Тут уж либо на щите, либо...

За тусклым окошком маячила теплая и светлая майская ночь. Беззвучно колыхалась на ветру пышная зелень тополей и лип. Но как-то все это было мимо меня совершенно.

В тот момент я верил только в то, что именно теперь решительно ни на что в жизни был не способен. А надо было как-то брать себя в руки. Совершенно непонятно как. Ведь следующий выход был наш.

А позади уже три или четыре отыгравших коллектива, час или около того трясущихся рук, полпачки выкуренных сигарет и подозрительные позывы в желудке.

И когда я уже был готов плюнуть на открытый всем ветрам загаженный туалет и засесть там на всю оставшуюся жизнь, стало уже слишком поздно.

Потом случился мутный провал, и мы сразу оказались на сцене. Где-то там в темноте под ногами находилось множество людей, которые смотрели на нас, активно жестикулировали и что-то от нас ждали.

А здесь на сцене все заливал ослепительный свет прожекторов и софитов, по бокам и сзади стояла куча непонятной аппаратуры, под ногами лежала паутина перепутанных шнуров, и еще присутствовали трясущиеся до сих пор руки и полный паралич мозга.

Потом снова провал...

И вот все уже подключено и настроено. И теперь всего лишь надо как-то начать играть. И проходит очень много времени, в течение которого не происходит решительно ничего. И кажется, никто и ничто не способно столько ждать, и вот-вот в нас из темноты полетят пустые бутылки и посыплется проклятья. И главное – непонятно, в чем причина задержки.

Но наконец мы каким-то чудом начали играть. И неожиданно все худо-бедно получилось. Я слышу остальных и слышу себя. И я даже способен извлекать нужные звуки. Словно откуда-то изнутри выросли чужие руки внутри моих собственных и, не подконтрольные мне, начали играть то, что нужно.

И как играть! Лучшего я и не мог от себя ожидать. И вслед рукам внутри у меня проявилась вдруг музыка, затмившая собой все остальные эмоции. Страх, неуверенность, слабость в желудке, тошноту и тремор в конечностях.

И вот я уже на седьмом небе от того, что стою здесь и от того, что я здесь делаю. И люди внизу как будто ритмично двигаются вслед нашей музыке.

Но и они все теперь бесконечно далеко, где-то в самом низу и совершенно никак меня не волнуют. Еще немного, и я непременно достигну нирваны.

И вдруг я слышу страшный грохот позади себя, не похожий ни на что и пугающе фатальный.

Оборачиваясь вижу, что барабанная установка развалилась на части. Один из барабанов точно пробит насквозь. Растерянное и бледное лицо нашего барабанщика. И дальше столь же бледные и растерянные лица моих друзей.

Тут же из темноты послышался гневный свист и пьяные вопли. И тут же внутри меня все померкло.

Или просто кто-то выключил свет?

Я чувствовал этот замкнутый круг как никогда. Помощи ждать было не откуда. Бежать некуда, да и не от кого. Все впустую.

Любая, даже самая прекрасная музыка рано или поздно заканчивается. Как эта засохшая елка.

Двери были заперты, заперты одна за другой. Я шел и дергал за ручки, не соображая уже зачем. Все же разум мой помутился. А если и не помутился, то недолго осталось.

Что вообще есть сумасшествие, и с чего оно начинается? Вдруг или постепенно стираются грани между светом и тьмой? Достаточно ли одного сдвига в сознании, чтобы навсегда потерять эти связи?

Наверное, бывает по-разному. Даже наверняка. Но как это теперь происходит у меня? Я уже сошел с ума, или болезнь пока еще зарождается, и есть шанс остановить этот процесс?

Я просто пытаюсь анализировать. В качестве некой терапии, что ли. Если я не пойму, что со мной происходит или не происходит, я стану бессилён сделать хоть что-нибудь, чтобы отсюда выбраться.

Правильно сказал тот человек внизу – чтобы откуда-то выбраться, надо знать, куда тебе нужно!

Но пока мой недуг явно сильнее меня, слишком много факторов, и все не на моей стороне.

Я был столь озабочен своим состоянием, что даже не сразу понял, что очередная дверь открылась. Пятая по счету дверь оказалась незапертой.

Обнадеживающая цифра. Ни о чем более не думая, я вошел внутрь.

Первым, что бросилось в глаза, было окно. Обычное окно, разве только непривычно высокое. И хоть я был в расстроенных чувствах, наличие окна меня поразило так, будто это какая-то диковина, никем не виданная раньше. И только потом я оглядел уже само помещение.

Оно было небольшим, но в нем была еще одна дверь, которая располагалась справа от входа. У окна стоял стол, до самого подоконника заваленный книгами. Книги громоздились и на столе и на подоконнике штабелями, загораживая собой почти весь оконный проем.

Слева от окна, в углу, занимая чуть ли не треть комнаты, стоял огромный, необъятный шкаф. Он возвышался метра на два с половиной, не меньше. Верх его терялся в вышине.

Справа от окна стояла кровать, скажем так, не совсем убранный. Здесь кто-то совсем недавно лежал. Скорее даже ночевал здесь. На стене висела огромная картина, непонятно что изображавшая. Над изголовьем кровати горела лампа.

Ютась с краю стола, на свободных от книг местах, стояли тарелки, стаканы и пара бутылок. Под столом скрывались то ли две, то ли три табуретки. Ну еще гора разнообразного хлама слева в углу. Еще стопки книг вдоль стены.

Пожалуй, что все. Больше вроде ничего из мебели и крупных вещей видно не было.

За окном было почти совсем темно. И было непонятно, то ли это темнота на улице, то ли там вообще не улица. А может, это вовсе и не окно, а только кажется мне таковым?

Пробраться к нему не было никакой возможности. Вернее, конечно, пробраться было можно, но это стоило бы невероятных усилий. Пришлось бы сначала убрать все это нагромождение книг.

На такой подвиг так сразу я был не готов. И, как мне было ни интересно, что скрывается за этим окном, я решил сначала заглянуть во вторую дверь.

Меж тем апатия и страх незаметно испарились. Им на смену вернулась смутная надежда.

– Только спокойно. Без паники и суеты. Главное – не давать воли чувствам, – уговаривал я себя, – хватит с меня этих лабиринтов. Я просто хочу вернуться домой и быть тем, кто я есть. И тогда все сразу встанет на свои места.

Город

Мир таков, что вокруг непрерывно что-то происходит. То одно, то другое. Многое тонет в суете, многое воспринимается чересчур поверхностно. Но, что очень важно, непременно происходит и очень много чего хорошего. Буднично-незаметного или такого, о чем так просто и не скажешь. Зашкаливающие эмоции на грани моментального счастья. И, как правило, это компенсирует практически все.

Но можно ли всякий раз впустить и принять сразу? Без ожиданий чего-то большего и без сомнений?

Ведь всякий раз это непременно должно быть как в первый раз. Иначе, боюсь, не зацепит. Засада в кустах, ядерный взрыв, космос какой-нибудь! Словно попадаешь в хитро расставленную кем-то ловушку. В западню.

Но кто сказал, что эта ловушка расставлена именно для тебя? И даже если это так, кто знает, направлена ли она в сущности против тебя? А что, если это то самое чудо, которого мы все так долго ждем? Что, если это лучшее, что может произойти с тобой за всю твою жизнь?

Это есть большой вопрос. Смотря по тому, кто есть где. Кролики и удавы...

А ведь попасть в такую вот ловушку удастся не каждому. Я ни разу не слышал, чтобы кому-то удавалось. А ведь какой богатый материал для изучения. Какая смена осточертевших декораций. Долгожданное бегство от приевшегося и каждодневного. Это же как попасть в зазеркалье. Почему нет?

Но я оказался совсем не готов ни к чему подобному. Я, который так хотел чего-то другого или куда-то там еще.

А что, собственно, я хотел бы увидеть с той стороны моего почерневшего и потускневшего зеркала?

Во второй комнате тоже было окно, слева от входа, но его почти целиком закрывала тяжелая непроницаемая штора. Потому здесь было почти совсем темно. И, как назло, выключатель на стене я сходу не нашел. Если бы не свет из первой комнаты, я бы вообще ничего не смог разглядеть.

Напротив окна, справа от входа, вроде стоял огромный диван. По бокам от него тоже громоздилась какая-то мебель, но непонятно какая. То ли шкафчики, то ли тумбочки, то ли просто полки. Прямо напротив входа вырисовывалось старинное большое трюмо с огромным зеркалом. В зеркале зиял ярко освещенный дверной проем, в котором затаился мой взъерошенный силуэт. Только его и можно было хоть как-то более-менее разглядеть.

Еще было огромное кресло под стать притаившемуся во тьме дивану. Или даже два. Одно у трюмо, а второе у окна в ближайшем ко мне углу. В противоположном углу у окна же высился еще один шкаф, похоже, книжный. Ну, еще вроде стул под ворохом чего-то. Торшер. Люстра. И все. Вроде больше ничего.

Достаточно скромно и аккуратно, но все же поинтереснее, чем в предыдущей комнате.

Первым делом я сразу направился к окну. Наконец-то я узнаю, что это за место там снаружи!

Отодвинув тяжелую штору, я увидел обычный городской двор, квадратный колодец. Только узкий проход, темнеющий теперь таинственной щелью, отделял этот двор от соседнего. Ну или просто выходил на улицу.

Старые облупившиеся дома. Ржавые и мятые водосточные трубы. Одна стена жметя к другой. Слепые окна внизу, а перед глазами только крыши. Крыши без конца. Видимо, я где-то на последнем или предпоследнем этаже.

На улице была ночь, поздний вечер или раннее утро. Что кому больше нравится. Желтый неяркий свет шел откуда-то снизу. Наверное, от фонаря во дворе. Небо лишь слегка флуоресцировало фиолетовым светом с редкими белесыми пятнами облаков, отражая ночное городское освещение. Поэтому рассмотреть получилось лишь общие очертания. Дома, крыши, трубы и все.

В том, что я увидел, не было ничего необычного, хотя сам этот двор был абсолютно мне незнаком. Это я мог сказать даже ночью. Я никогда не был здесь раньше. Может, это вообще какой-нибудь другой город? Хотя что-то мне подсказывало, что это не совсем так.

Я отошел от окна, и некоторое время глаза снова привыкали к полумраку.

Вроде все на своих местах? Хотя нет. Не совсем так. Там на диване что-то есть. Или кто-то?

И тут я увидел человека. Он сидел на диване, с самого краю, и как будто пристально смотрел на меня.

– Здравствуйте, – вылетело у меня автоматически, с рефлекторным полупоклоном.

– Здравствуй, здравствуй! – сказал мне знакомый на первый взгляд голос со знакомой интонацией даже. – Совсем не ожидал встретить именно тебя здесь. Кого угодно, но только не тебя. Даже не представлял себе подобное. Призрака, привидение, кого угодно ждал этой ночью, но не тебя. Какой, однако, сюрприз!

Мне показалось, что человек улыбнулся. Но что за улыбка появилась на его лице?

Я вдруг уловил в воздухе явственный запах крепкого алкоголя, одновременно разглядел в руках незнакомца то ли бокал, то ли стакан.

– А мы разве знакомы? Простите за вторжение, я забрел сюда случайно в поисках выхода... Вы здесь живете? Я, собственно...

Я снова почувствовал некоторую раскоординацию и пустоту в голове. Правильные вопросы не появлялись.

– Включи торшер. Он там, рядом с трюмо, – посоветовал незнакомец, – у меня сегодня тут небольшой эзотерический сеанс. Встречи с духами и все такое. Что-то вдруг захотелось потустороннего. Сентиментальное настроение. Потому и сижу в темноте. Прошу прощения.

При этом он продолжал сидеть и смотреть на меня. Мне показалось только, что он перестал улыбаться.

– Много света не надо. Торшера вполне достаточно, – продолжал он, оставаясь при этом неподвижным, – не люблю много искусственного света. Да и вообще, пока так будет лучше. Ты, я вижу, здорово не в себе.

Я послушно подошел к трюмо и, нащупав выключатель торшера, зажег свет. Свет был мягкий и приятный. Он шел в основном вниз из-под большого красноватого абажура, но вполне приемлемо освещал комнату, не мешая при этом глазам.

Потом я снова повернулся к собеседнику. Подтянул к себе стоявший неподалеку стул с барахлом и сел напротив, пытаюсь хоть немного разглядеть его лицо.

Лицо как лицо. Наверное, моего возраста. Небритое разве, как и у меня. Ничего определенного по поводу лица я пока сказать не мог.

Мой собеседник снова улыбался. Бокал в руке был почти пуст. Но словно вспомнив про него, он одним глотком допил содержимое и поставил бокал на пол.

Что-то определенно знакомое в общих чертах. Даже не знаю, что именно. Глаза, нос, прическа? Хотя прически как раз не было никакой. Мимика? Тембр голоса?

Пока я не узнавал этого человека. Никто из близких мне людей не походил на него даже приблизительно.

Случайно бросив взгляд в зеркало, я и там наткнулся на взгляд незнакомца. Потом посмотрел на свое отражение и снова на того человека.

Что за мистика!? Этого просто не может быть! Если только и вправду пожаловали духи?! Ведь это был Я! Я собственной персоной!

Что же нам снится, когда мы не видим снов? Невозможно допустить, что ничего не происходит в этот момент. Просто по каким-то причинам нам этого не показывают. Или же мы сами отказываемся смотреть.

В тот раз я сначала видел лишь свет, он пробивался ко мне через сгустившийся мрак такого вот сна без сна, как солнце через густую крону высокого дерева. И только под утро пробилось и привиделось что-то определенное.

Вроде как обыкновенное раннее утро. Начинается новый день. И я еду куда-то. Мне представляется, что с ночной какой-то работы еду домой. И вроде даже инструмент у меня в ногах стоит. Но это не точно.

Из непривычно прозрачного и чистого окна автобуса, проезжая мимо, вижу аварию. Две машины. Одна в другую уткнулись, носом в корму. Почти и без следов, не особо побитые, но все равно стоят, ждут чего-то. И стоят прямо на трамвайных путях. А за ними трамваев! Один, другой, третий, и так далее.

Водитель передней машины мечется, бегаёт вокруг да около. Зачем-то, приседая, смотрит под передний бампер, будто ищет повреждения какие-то. А ведь стукнули-то его сзади. И курит. Нервно курит одну за другой и смотрит вокруг. И женщина в его машине тоже сидит и нервно курит. И все смотрит куда-то в сторону, через стекло. И во второй машине пожилой господин в костюме с телефоном в руке тоже курит и смотрит. И вожатый в трамвае, довольно объемная дама в оранжевом жилете, сидит и курит. Но спокойно. Ей все равно.

А вокруг довольно пустынно. Еще слишком рано. Часов семь утра или даже только шесть. Основная масса работающих еще не выехала на свои работы. И людей особо не видать, и машин мало.

Интересный сюжет. С утра, да подобная композиция. Мир вокруг сразу представился гармоничным и удивительным.

А я еду дальше. Куда-то, куда мне на самом деле совсем не хотелось, но уже не так отрешенно. Уже как-то живее взгляд и позитивнее мысли. Хоть и не совсем понятно отчего.

И потом не понять, то ли это сон был, то ли пересказанное кем-то воспоминание. То ли раннее утро навеяло, то ли солнце такое пронзительное, будто зимним утром на тройке мчишься.

А солнце и правда заливало все вокруг пронзительным ослепляющим светом.

Я считал это хорошим предзнаменованием, ибо чувствовал я себя вроде выпавшимся и отдохнувшим. Я просто открыл глаза и увидел совершенно другую комнату. В том смысле, что на дневном свете выглядела она совершенно иначе. Интерьер определенно сделался свежее и достовернее.

Как будто преодолевая за раз все свои смертные грехи, я нерешительно и с некоторым трудом встал и первым делом направился к окну.

За окном до самого горизонта висели красивые кучевые облака, такие выпуклые и четкие, что хоть бери в руки и тискай их. Поначалу, ослепленный солнцем, я почти ничего больше не увидел. А когда глаза привыкли, разглядел вчерашние крыши, все сплошь под снегом.

И сразу мне стало ясно, что это другой город. Похожий на мой, но другой. Островерхие черепичные крыши, мансарды тут и там, масса башенок, и больших, и малых. Отсюда все это выглядело будто бы игрушечным. Словно это какой-нибудь сказочный городок.

Чувствовалось, что за окном очень холодно. И снег искрился, и дым из труб валил как-то по-особенному.

Вообще-то все это было странно, ибо всего день или два назад была самая что ни на есть осень. А то, что я видел теперь, больше всего напоминало вторую половину зимы. Февральские морозные дни. Но и весна уже близко.

Я снова было расстроился. А потом подумал, что оно того не стоит. То, что я непосредственно вижу, совсем не обязательно обстоит именно так на самом деле. Да и совсем не обязательно вообще существует. К этому уже можно было привыкнуть.

Причем это правило справедливо всегда, вне зависимости от времени и места. И здесь, и там одинаково. Что есть вся эта видимость? Всего лишь видимость! То, чем мы ее называем в данный момент, не более того. Что тогда эти дома, крыши, времена года? Там, за окном? Сущие пустяки, одним словом.

Я несколько успокоился и еще немного полюбовался на это ярко-голубое, уже почти весеннее небо. На небо, которого я так давно не видел. По крайней мере, мне казалось, что я его не видел уже целую вечность. Я даже немного попрыгал на цыпочках, поприседал и сделал пару наклонов, чтобы как-то утрясти в себе пережитое за последние дни и свыкнуться с тем, что я видел теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.